

Сообщество, Демократия и Взаимопомощь

К двоевластию и далее

Коллектив "Симбиоз"

Апрель 2017 года

Оглавление

Предисловие переводчика	3
Введение	3
Наш демократический кризис	4
Наша теория социальных изменений	6
Уроки прошлого	9
Развитие и расширение текущих подходов к организации	10
Труд и кооперативное движение	11
Общий фонд	14
Правила для радикалов созданы, чтобы их нарушать	15
Революционное институциональное строительство на практике	17
Организация первой интифады	17
К американскому двоевластию	22
Жилищный капитал	22
Продовольственная и экологическая справедливость	25
Энергетическая демократия	26
Советы соседей	28
Расширение радикальной демократии	29
Заключение: следующая система за пределами города	30
Об авторах: Исследовательский коллектив симбиоза	35

Предисловие переводчика

Переведено специально для телеграм-канала "Федерация Анархистов". Хотя переводчик не разделяет многих позиций, выражаемых авторами данной статьи, тем не менее это нисколько ни умаляет роли и важности стратегии вольного муниципализма и перспектив её развития на Пост-Советском пространстве. Можно лишь понадеяться на то что новое поколение анархистов учтя ошибки и противоречия старого, сможет сформировать подлинное движение народных масс, независимое от политических партий и какой либо иной экономической и политической элиты. В остальном можно лишь пожелать приятного прочтения.

С уважением *Радикальный эволюционист*

Введение

Пять лет назад Арабская весна вернула себе общественные пространства по всему Ближнему Востоку и Северной Африке, продемонстрировав новому поколению возможности творческого сопротивления и политического воображения даже в самых репрессивных обстоятельствах. Они вызвали Движение площадей, охватившее весь мир, от движения против жесткой экономии в Европе до Оссиру Wall Street в Соединенных Штатах. Приняв лозунг «Другой мир возможен», Оссиру предложил один из самых яростных упреков за поколение доминирующему нарративу о том, что наша система — лучшая и единственно возможная. Он потребовал новых форм радикальной демократии за пределами государства и прекращения ничем не сдерживаемого капитализма — действительно, многие ответвления Оссиру пытались создать такой мир в миниатюре.

Однако утопический дух, охвативший мир в 2011 году, не дал всеобъемлющих альтернатив нынешней политической и экономической системе. Оссиру и вдохновленные им движения не смогли ответить на вопрос о том, как должен выглядеть этот другой мир — «Следующая система» — и как мы можем туда попасть.

Наша цель в этом эссе — направить нашу борьбу против угнетения и господства в стратегический подход к построению настоящих утопий — преобразовать поэзию Оссиру в прозу реальных социальных изменений. Наше предложение, как конкретное, так и всеобъемлющее, заключается в организации практических общественных институтов партиципативной демократии (демократии участия) и взаимопомощи, которые могут укорениться, вырасти и постепенно вытеснить институты, которые сейчас управляют жизнью обычных людей.

Удовлетворяя общественные потребности и направляя коллективные действия наших сообществ через органы радикальной демократии, мы стремимся развивать институты, которые могут как строить народную власть против безответственной олигархии, так и быть той самой заменой капитализма, за неспособность представить которую так часто критикуют левых. Эта следующая система, которую мы представляем, — либертарный экосоциализм, основанный на прямом участии граждан, а не на безответственной власти элит; общественной собственности на экономику, а не на эксплуатации; на равенстве людей, а не на социальных иерархиях расы, пола,

национальности и класса; на защите нашего общего дома и его нечеловеческих обитателей, а не на беспрепятственном разрушении окружающей среды; и на восстановлении сообщества, а не на изоляции. Прежде всего, наша цель — заложить основу для создания такого общества с нуля — чтобы, как заявили Уоббלי, построить новый мир в оболочке старого.

Карл Маркс критиковал утопистов за то, что они пытались «писать рецепты для кухонь будущего». Под этим он подразумевал, что утописты воображают, что могут спроектировать новое общество с нуля и воплотить его в жизнь одной лишь силой воли. Когда они неизбежно терпят неудачу, они обречены на разочарование и крушение иллюзий. Напротив, метод анализа Маркса имеет дело со сложным и динамичным процессом, посредством которого меняются общества. Он считал, что только тщательно изучая социальные отношения, структуры стимулов и динамику классов общества, мы можем понять его путь вперед. По мнению Маркса, каждая социальная система представляет собой сложный процесс, а не статичную сущность, и каждая система содержит семена своей преемницы, которые нужно только поощрять к росту, чтобы произошли изменения.

По нашему мнению, ответ на политические изменения лежит между утопистами и Марксом. В утверждении Маркса, что описание желаемого будущего — пустая трата времени, есть доля правды; разработка сложных утопий мало что дает для руководства в политическом или стратегическом плане, если она оторвана от процесса, посредством которого такие идеи могли бы реально возникнуть. Однако мы не можем сидеть и критиковать текущий экономический и политический ландшафт, ожидая «неизбежной» революции. Видение следующей системы, изложенное здесь, может и должно быть реализовано в наших сообществах сегодня как существенный промежуточный шаг к реализации революционного видения для планеты.

Следующая система, скорее всего, будет успешной и выживет, если мы будем неуклонно трансформировать существующие институты, способы производства и способы взаимоотношений друг с другом, а не пытаться создать совершенно новую систему из воздуха. Суть нашего аргумента в том, что создание сетей радикально демократических, кооперативных институтов может поддержать наши сообщества и нашу коллективную борьбу в ближайшей перспективе, организовать нашу базу для победы в битвах с государством и частным сектором, начать подрывать общественную поддержку нынешней неэффективной системы и со временем стать доминирующими институтами завтрашнего мира. Наше предложение объединяет средство и цель, причем демократия и сообщество являются как средствами, так и целями социальной трансформации. Заполняя пробелы между «научным» социалистическим анализом и утопическим воображением, мы попытались создать то, за что левые всегда боролись: реалистичную модель перехода к посткапиталистическому миру.

Наш демократический кризис

Сегодняшняя политическая ситуация висит в подвешенном состоянии кризиса, в котором ничего принципиально не меняется, несмотря на, казалось бы, бесконеч-

ную череду катастроф. Структурные императивы капитализма для бесконечного роста и приватизированной выгоды за внешние издержки быстро подтолкнули наш глобальный климат к грани полной дестабилизации. Разрушение среды обитания, чрезмерная эксплуатация ресурсов и загрязнение подорвали экологическую базу (человеческих и нечеловеческих) сообществ по всему миру, что привело к самому страшному массовому вымиранию с тех пор, как астероид уничтожил динозавров. Крошечный транснациональный правящий класс использует свое положение в мировой экономике, чтобы извлекать необычайные объемы необлагаемого налогом богатства и держать миллиарды в нищете. Разделенные мировые рабочие классы борются за выживание в гонке на дно. Даже средние классы в богатых странах были опустошены и лишены политической власти, поскольку послевоенная социал-демократия трансформировалась в неолиберализм.

«Демократические» институты, якобы призванные обеспечить общее благо посредством власти наделенной избирательными правами общественности, кажутся бессильными остановить что-либо из этого. Власть простых людей над собственной жизнью ослабла с 1970-х годов, когда капиталистические элиты вернули себе государство и вернули нас в эпоху приватизации, дерегулирования и жесткой экономии, в то время как националистические и неофашистские движения в ответ делают козлами отпущения уязвимые группы населения. Тем временем имперский авантюризм продолжает вытеснять миллионы людей из-за все новых войн и конфликтов. Вероятность дальнейшего экономического кризиса и надвигающийся экологический обрыв обещают усилить глобальную тенденцию к страданиям, насилию и тирании сверх всего, что мы видели до сих пор.

В основе этого системного кризиса лежит дефицит демократии. Европейский союз и мировые финансовые институты (которые осуществляют значительный контроль над политическими решениями развивающихся стран-должников, зависящих от инвестиций и торговли с Глобальным Севером) управляются неизбираемой технократией, подчиняющейся транснациональным капиталистическим интересам. Строгое количественное исследование американской политики недавно продемонстрировало, что политические предпочтения 90 процентов американцев с самым низким доходом не оказывают независимого влияния на политические решения правительства; вместо этого законодатели реагируют исключительно на интересы корпораций и 10 процентов самых богатых. Как заключают авторы, «претензии Америки на то, чтобы быть демократическим обществом, находятся под серьезной угрозой».¹ Даже в якобы демократических странах институты, которые направляют принятие национальных решений, структурно неспособны предотвратить экологический и экономический коллапс и обеспечить достойную жизнь для всех. То, с чем мы сталкиваемся, — это колоссальная проблема коллективных действий.

¹ Martin Gilens and Benjamin I. Page, “Testing Theories of American Politics: Elites, Interest Groups, and Average Citizens,” *Perspectives on Politics* 12, no. 3 (2014): 577.

Наша теория социальных изменений

Немецко-американский политический философ Ханна Арендт утверждала, что невыносимые ситуации, такие как наша, могут быть отброшены революционным отказом общественности от поддержки правительственных институтов. Как выдающийся теоретик тоталитаризма, политического насилия и прямой демократии, Арендт разработала важные концепции, которые помогают распутать проблемы, с которыми человечество сталкивается в настоящее время, и указать путь вперед.²

Власть традиционно понимается в политике как способность заставлять других делать что-либо, часто с помощью насилия или принуждения, чтобы обеспечить подчинение и господство. Однако в работе «О насилии» Арендт показывает, что в реальных человеческих обществах власть работает совершенно иначе. Она определяет «власть» как способность людей действовать сообща — способность к коллективным действиям и, таким образом, как свойство групп, а не отдельных лиц. Лидеры обладают своей властью только потому, что их избиратели уполномочили их направлять коллективные действия группы.

Арендт утверждает, что вся власть в любой политической системе от диктатур до демократий участия возникает из общественной поддержки. Ни один диктатор не может выполнить свою волю без повиновения подданных; и ни один проект, требующий коллективных действий, не может быть достигнут без поддержки, недовольной или восторженной, группы. Когда люди начинают отказываться от своей поддержки и отказываются подчиняться, правительство может обратиться к насилию, но его контроль длится только до тех пор, пока армия или полиция решают подчиняться. «Там, где приказы больше не выполняются, — пишет Арендт, — средства насилия бесполезны... Все зависит от силы, стоящей за насилием».³ Понимание того, что власть возникает из коллективных действий, а не из силы, является ключевым компонентом нашего переходного видения.

Однако как революционная политическая стратегия (а не просто описание некоторых прошлых политических событий) теория власти Арендт требует нескольких модификаций. Во-первых, без существующей массовой организации общественность не имеет возможности коллективно отказаться от поддержки правительственных институтов.

Действующие в одиночку индивиды не оказывают никакого влияния на власть государства. Вот почему революции описываемые Арендт (Венгрия в 1956 году, Чехословакия в 1989 году и Тунис в 2011 году) происходят только в исключительно редкие моменты кризиса.

Во-вторых, большинство людей никогда даже не задумаются об отказе от поддержки правительственных институтов, если они не видят жизнеспособных альтернатив. Как Антонио Грамши объяснил столетие назад, культурная гегемония правящего класса может быть подорвана только тем, что он назвал «войной позиций» — развитием материальной и культурной базы внутри рабочего класса для

² Hannah Arendt, *The Origins of Totalitarianism* (Cleveland: Meridian Books, 1951).

³ Hannah Arendt, *On Violence* (New York: Harcourt Books, 1970), 48–49.

создания оппозиционного нарратива и организации оппозиционных институтов.⁴ Организация профсоюзов, предприятий, принадлежащих рабочим, и жилищных кооперативов — это то, что делает социализм реальной, осуществимой возможностью, вокруг которой может происходить более масштабное построение движения.

В-третьих, отказ имеет серьезные издержки. Даже при отсутствии насильственных репрессий (характерная черта даже самых либеральных демократий сегодняшнего дня) мы становимся зависимыми от капиталистических и государственных институтов в плане доступа к основным потребностям выживания и путям коллективных действий. Таким образом, выход за рамки капитализма и государства требует наличия альтернативных институтов для удовлетворения этих потребностей и организации людей для мощных совместных действий. Отказ от поддержки без участия в таких оппозиционных институтах едва ли отличается от апатии.

В-четвертых, мы не можем игнорировать преформацию послереволюционного общества — необходимость активно создавать институты для замены тех, что у нас есть сейчас. У Арендт есть несколько романтические представления о формах органической демократической политики, которые возникают в вакууме после массового общественного отказа от поддержки правительственных институтов. В определенной степени история на ее стороне. Демократический конфедерализм сирийских курдов в Рожаве; рабочие советы революционной России, Германии и Венгрии; Парижская коммуна; захваты фабрик в Аргентине; и анархистская революция в Каталонии — все это примеры политики участия, основанной на общинах, возникающей из революционного кризиса. Однако более сложные институциональные механизмы для управления и координации общества в целом находятся за пределами досягаемости спонтанной очной демократии. Такие институты, далекие от выражения общественной воли, обычно захватываются или собираются той партией или фракцией, которая находится в лучшем положении для извлечения выгоды из условий вакуума и неопределенности (как отмечает и критикует сама Арендт).⁵ Революционная передача власти народным органам радикальной демократии требует предварительного существования таких институтов участия, а не наивной веры в то, что они будут созданы в результате всеобщей забастовки, массового отказа от общественной поддержки или повстанческого движения.

Мы утверждаем, что анализ Арендт источников государственной власти в целом применим и к капиталистическим институтам (хотя они, конечно, подкреплены государством). Их можно вытеснить только путем создания устойчивых, эгалитарных альтернатив, чтобы подорвать их общественную зависимость и одобрение. Эффективная политическая стратегия для настоящего времени должна сочетать лучшее из интуиции Арендт о работе власти в обществе и возможностях народной революции с организующим видением построения общественных институтов. При таких смутных перспективах достаточного прогресса через существующие институциональные каналы новые демократические и кооперативные институты должны быть построены с нуля.

⁴ Antonio Gramsci, *Selections from the Prison Notebooks*, ed. and trans. Quentin Hoare and Geoffrey N. Smith (New York: International Publishers Company, 1971).

⁵ Some examples: the political opportunism of the Bolsheviks in the Russian Revolution, Ayatollah Khomeini's faction in the Iranian Revolution, and the Muslim Brothers in the Egyptian Revolution.

На ранних стадиях создание политической инфраструктуры радикальной демократии и либертарного социализма будет в основном локальным, через разрастания и кодификации существующих социальных процессов, которые могут быть расширены до общепринятой практики и включены в более широкую стратегию. Предлагаемые здесь общественные институты являются модульными. Они могут существовать отдельно как отдельные проекты, доработанные для решения конкретных проблем, созданных провалами текущей системы, но они предназначены для организации в виде сети. Работая вместе и взаимно усиливая друг друга, эти институты могут качественно изменить властные отношения города или района и заложить основу для новых макроструктур самоуправления и гражданского общества. Благодаря проектированию и управлению собственными новыми институтами, сообщества могут развивать творческий и общественный дух, который позволит им взять под контроль свою жизнь, общаться друг с другом через культурные и географические расстояния и развивать эгалитарные основы нового общества. Только такой процесс служит основой подлинно демократического экосоциализма.

Большинство общественных институтов, обсуждаемых здесь, не являются новыми изобретениями, а были разработаны в ходе многолетней народной борьбы по всему миру. Задача, которую мы здесь ставим, — синтезировать их в единую антикапиталистическую стратегию на каждом уровне общества.

Конкретные институциональные механизмы, скорее всего, будут зависеть от местных потребностей и условий, но возможности включают кооперативы, принадлежащие работникам, советы соседей, общественные земельные трасты, местные системы распределения продовольствия, сети взаимопомощи, принадлежащую сообществу электро-энергию, популярные образовательные модели, банки времени, детские сады, общественные медицинские клиники и многое другое. Конкретные учреждения будут обсуждаться как наглядные примеры политических возможностей, но понимание заключается в том, что радикальная демократия означает, что обычные люди обладают властью вводить новшества, изменять, отбрасывать или заменять их по своему желанию в рамках глобального разговора об экспериментах с открытым исходным кодом. В основе этого стратегического видения лежит дух прагматизма. Если то, что создает сообщество, работает, это можно экспортировать в другое место с местными корректировками — подобно тому, как цели и методы протестных движений были быстро приняты и адаптированы социальными движениями по всему миру.

Наше организационное видение имеет корни в истории революционных движений за свободу и справедливость. Мы черпаем наше вдохновение и интеллектуальное развитие, среди прочего, из автономистского марксизма, сапатизма, движения альтер-глобалистов, новых анархистов, движений за гражданские права и права чернокожих, традиционной организации сообщества Алинскистов, развития сообщества на основе активистов, анархо-синдикализма, коммунизма рабочих советов, социальной экологии и движения за экономику социальной солидарности. Используя следующее предложение в качестве отправной точки, наша цель состоит в том, чтобы синтезировать эти широкомасштабные течения мысли в организацию движения, занимающуюся созданием общественных институтов и организацией работы, охватывающей жилье, энергетику, продовольствие, здравоохранение, технологии, труд,

образование, восстановление окружающей среды и другие вопросы. Здесь мы более подробно рассмотрим предшественников такого рода организации, то, как мы можем опираться на эти политические традиции посредством создания общественных институтов, и как такие институты могут быть интегрированы в революционную структуру для социальных, политических, экономических и экологических преобразований.

Уроки прошлого

В 1917 году, между свержением царя в марте и Октябрьской революцией, российское общество увидело разделение политической власти на две оппозиционные силы, управлявшие обществом параллельно. Советы, сеть радикально демократических, автономных рабочих и крестьянских советов, действовали наряду с официальным парламентским Временным правительством, которое они пытались сместить. В частности, Петроградский Совет, представлявший рабочих и солдат города, конкурировал с российским государством за народную легитимность. Он включил в себя делегатов из других советов по всей стране и преобразовал себя во Всероссийский съезд Советов. В то время многие русские социалисты называли эту политическую ситуацию «двоевластием». Лев Троцкий писал о двоевластии в своей «Истории русской революции», а Владимир Ленин утверждал, что это раздвоение власти было принципиально нестабильным и могло уступить место революционному свержению республиканского Временного правительства.

Однако в то время «двоевластие» было по сути лишь объектом описания. Американский анархист-теоретик Мюррей Букчин был первым, кто воплотил эту концепцию в стратегическую структуру для преобразующей политики. В его политическом плане, названном «либертарным муниципализмом», конфедерации напрямую демократических собраний были бы вынуждены вступить в конфликт с национальным государством, что сделало бы их дальнейшее сосуществование невозможным.⁶ Мы выступаем за несколько более гибкий подход, чем у Букчина, — взаимодействие с либерально-демократическими правительствами везде, где это возможно, чтобы реструктурировать их в направлении участия и экосоциализма. Тем не менее, его теоретическая работа о двоевластии занимает центральное место в нашей стратегии. В разделах ниже рассматривается, как построить двоевластие здесь и сейчас, изменяя и выходя за рамки текущих подходов к организации сообщества и труда для создания радикально демократических общественных институтов. Как североамериканцы, мы будем в первую очередь фокусироваться на Соединенных Штатах, но наше предложение следует понимать как транснациональный проект, вдохновленный и направляемый дальновидными организаторами по всему миру.

⁶ Murray Bookchin, “Thoughts on Libertarian Municipalism,” *Left Green Perspectives*, no. 41 (January 2000).

Развитие и расширение текущих подходов к организации

Демократия участия лежит в основе нашего видения организации и институционального строительства. Когда сообщество может самостоятельно решать, в чем заключаются его потребности и как их решать, а не получать «решения» сверху, выгоды многочисленны. В то время как сферы организации, предоставления социальных услуг и международного развития полны благонамеренных организаций и отдельных лиц, которые не понимают этого, более позитивный наглядный пример исходит от Янг Шин, основательницы Asian Immigrant Women Advocates (AIWA).

В начале 1980-х годов Шин приступила к организации китайских и корейских женщин-иммигранток, работающих в швейной, гостиничной и высокотехнологичной фабриках Окленда, чтобы бороться с разгулом кражи заработной платы. Однако, когда она говорила с этими женщинами, они снова и снова говорили ей, что их главным приоритетом было изучение английского языка, а не организация. Шин была в замешательстве — как она рассказывает, большинство женщин работали, ходили по магазинам и стирали, не зная ни слова по-английски, и редко имели время выходить за пределы своих иммигрантских анклавов. Почему же тогда изучение английского было так важно? Женщины просто хотели ассимилироваться и индивидуально подняться по социальной лестнице?⁷

Однако Шин доверяла рабочим, и организованные ею курсы английского языка оказались решающими. Для начала, они позволили женщинам противостоять своим угнетателям на рабочем месте.

Одна группа женщин сказала Шин, что они хотели бы иметь возможность сказать своему боссу, чтобы он перестал кричать на них и относился к ним с уважением. Они поняли то, чего не поняла Шин, — что изучение английского языка было «формой самозащиты и самоутверждения».⁸ Занятия также помогли женщинам узнать свои трудовые права, определить свое место в исторической борьбе всех работающих женщин за справедливость и дать отпор репрессивным культурным нормам в отношении пола и семьи. В конце концов, приобретая новые навыки и уверенность, женщины взялись борьбу против кражи заработной платы и за многие другие битвы за трудовую справедливость. Для Шин и для всех, кто стремится к организации, это был крайне важный урок: сообщество знает, что ему нужно, лучше, чем кто-либо другой.

Создание напрямую демократических, кооперативных институтов создает поддержку на ранней стадии и гарантирует, что сообщество может принимать решения в своих собственных интересах. Прямая демократия также является формой народного образования. С ее помощью люди могут развивать политическое сознание и практиковать жизнь по этике горизонтальной кооперативной демократии. Мюррей Букчин пишет:

Те формы объединения, где люди встречаются лицом к лицу, определяют свои общие проблемы и решают их посредством взаимопомощи и

⁷ Young Shin, interview with one of the authors, 2016.

⁸ Nilda Flores-Gonzalez et al., ed., *Immigrant Women Workers in the Neoliberal Age* (Urbana: University of Illinois Press, 2013), 214.

добровольной общественной работы... служат, в большей или меньшей степени, школами демократического гражданства. Благодаря участию в таких усилиях мы можем стать более социально ответственными и более квалифицированными в демократическом обсуждении и решении важных социальных вопросов.⁹

Преодолению различий по признаку расы, класса и пола также может способствовать совещательный, демократический процесс, при условии, что этот процесс направлен на устранение этого неравенства.

На всех площадках организации — на рабочих местах, в кварталах и т. д. — подлинно преобразующая политика может быть введена только через структуру радикальной демократии. Это означает создание сети советов кварталов на уровне сообщества, которые могут создавать и управлять этими институтами самостоятельно. С этим в качестве отправной точки давайте далее рассмотрим основные течения прогрессивной организации в Соединенных Штатах и способы, которыми этика партиципаторной демократии для принятия решений и стратегия кооперативного строительства институтов могут вывести эти традиции на новый уровень.

Труд и кооперативное движение

С момента возникновения промышленного капитализма борьба рабочих культивировала прогрессивную политику, озвучивая требования от выживания до освобождения. Как минимум, рабочие движения требовали более высокой заработной платы и достойного уровня жизни для среднего рабочего. В своих самых амбициозных целях они требовали упразднения системы заработной платы, установили общей собственности и демократического управления ключевой производственной инфраструктурой и общества, в котором люди сами определяли бы цели и усилия своего собственного труда. Именно это последнее, более радикальное рабочее движение должно быть возрождено и расширено. Торг за лучшую долю экономического излишка без преобразования структуры собственности самой экономики — это не та стратегия, которая может быть успешной в долгосрочной перспективе.

Несмотря на временные успехи социал-демократии середины века — «успехи», которые неадекватно решали вопросы экологии, расы, пола и интернационализма, — нынешний неолиберальный консенсус довел профсоюзное движение до небывало низкого уровня. Профсоюзы были сокращены массовой безработицей, временной занятостью, антитрудовыми законами в развитых странах и жестокими политическими репрессиями в странах с развивающейся промышленностью. Традиционный промышленный пролетариат больше не является четко определенным или достаточно большим, чтобы быть единственным революционным агентом, и, возможно, никогда им не был.

Теперь, однако, есть возможность позиционировать промышленный пролетариат как заметное крыло в более широкой демократической борьбе, не только против

⁹ Murray Bookchin and Dave Foreman, *Defending the Earth: A Debate* (Montreal: Black Rose Books, 1991).

наемного труда, но и против расового и сексуального угнетения, иерархии, экологического разрушения, государства и, возможно, даже самой работы. Лучшая социально-экономическая система может быть завоевана только посредством межклассовой международной коалиции крестьян, пролетариев, социальных движений за пределами труда и прогрессивных элементов среднего класса. Рабочее движение должно быть концептуализировано как центральная опора этой борьбы, но не приравниваться к самой борьбе.

Рабочие уже начали организовываться за пределами границ традиционного промышленного профсоюзного движения. Инновационные методы включают создание межклассовых альянсов и кампании по профсоюзному объединению в таких трудовых центрах, как больницы, аэропорты и университеты; свержение профсоюзной бюрократии для отстаивания профсоюзной демократии; и создание некоммерческих организаций, рабочих центров и других автономных институтов рабочего класса.

Одним из наиболее перспективных рабочих институтов для достижения демократии на рабочем месте является рабочий кооператив. Поскольку собственность рабочих на средства производства является центральным требованием социализма, преобразование отдельных рабочих мест в места демократического самоуправления рабочих является важнейшим шагом для создания прямой демократии и социализации экономики в целом. Предоставляя рабочим прямой контроль над фирмами, кооперативы обеспечивают демократический контроль над секторами экономики и избавление от наемного труда, свободу от вмешательства государства. Но кооперативы также страдают от важных проблем — некоторые из них вызваны их неудачами как фирм, другие — их успехами.

Исследования показали, что кооперативы даже более конкурентоспособны, чем олигархические капиталистические фирмы того же масштаба, как только они начинают свою деятельность, однако «как только они начинают свою деятельность» — это ключевая фраза. Главной слабостью кооперативов и причиной их редкости является огромная сложность их финансирования. В отличие от богатых предпринимателей, типичные работники со средней заработной платой имеют очень мало капитала, который они могут предложить, делая любые небольшие первоначальные инвестиции, которые они могут собрать, по сути, для них риском «все или ничего».

При отсутствии венчурного капитала фирмы, принадлежащие работникам, вынуждены обращаться в банки. В сегодняшней коммерческой кредитной системе банки изначально скептически относятся к фирмам с экспериментальной структурой, которая позволяет структурировать производство вокруг других целей, помимо максимизации прибыли, таких как средства к существованию работников или общее благосостояние. Таким образом, большинство кредиторов требуют либо значительного объема капитала в качестве залога, либо роли для своих агентов в процессах принятия решений стартапа, вплоть до потенциальной доли собственности (что ставит под угрозу саму демократию на рабочем месте, которая является фундаментальной целью кооператива).¹⁰ Учитывая эти ограничения, огромное количество кооперативов терпят неудачу, прежде чем им дается шанс добиться успеха. Даже те,

¹⁰ Ben Craig and John Pencavel, "Participation and Productivity: A Comparison of Worker Cooperatives and Conventional Firms in the Plywood Industry," *Brookings Papers on Economic Activity* (1995), 126–127.

кто преодолевает препятствия, часто ограничиваются относительно мелкомасштабной деятельностью (супермаркеты, рестораны, прокат велосипедов и т. д.).

С другой стороны, кооперативы, которые добиваются успеха, сталкиваются с другими проблемами. Mondragon — сеть кооперативов в Испании с более чем 74 000 работников-владельцев и 12 миллиардами евро активов — поддерживает широкий спектр отраслей и программ и внедрила некоторую степень внутренней демократии. Однако эта сеть также демонстрирует многие ограничения даже успешных кооперативов.

Одной из первых проблем Mondragon (еще в 1960-х годах) было то, что его рабочие-владельцы стали беспокоиться в первую очередь о собственном процветании и пренебрегать участием в более широкой борьбе против Франко.¹¹ Совсем недавно и, возможно, более печально, внутренняя демократия кооператива медленно разрушалась на фоне реформ, призванных сохранить его конкурентоспособность с капиталистическими фирмами. В период с 1985 по 1991 год кооперативы, принадлежащие рабочим, входящие в сеть Mondragon, передали большую часть своих полномочий по принятию решений Mondragon Cooperative Corporation, централизованной холдинговой компании, выборное высшее руководство которой было в значительной степени неподотчетно рабочим-акционерам, за исключением в основном символических ежегодных общих съездов. Примерно в то же время Mondragon начал нанимать легионы наемных рабочих (не владельцев) в своих зарубежных дочерних компаниях. К 2014 году только 40 процентов сотрудников Mondragon были рабочими-владельцами, которые имели право голоса в кооперативе.¹²

Урок здесь в том, что институт за пределами фирмы, принадлежащей работникам, необходим для обеспечения стимула против самоэксплуатации, поскольку кооперативы оказываются под давлением необходимости адаптироваться, чтобы выжить в условиях капитализма. Макроэкономические структуры, которые помогли бы кооперативной экономике процветать, такие как крупномасштабная некоммерческая кредитная система и ограничения на использование корпорациями потогонического труда, в значительной степени выходят за рамки того, что могут создать сами кооперативы.

И поскольку кооперативы являются частью капиталистического общества, они также сталкиваются с давлением, направленным на эксплуатацию потребителя или превращение в товар того, что не должно быть товаром (например, здравоохранения или художественного творчества). Даже демократическая энергетическая компания, например, могла бы использовать свою монополию на электроэнергию, чтобы взвинчивать цены для потребителей, если бы ее работники решили получать более высокую прибыль, — если только энергия, наряду с другими необходимыми товарами, не была бы полностью изъята с рынка, а ее предоставление не было бы скоординировано каким-то другим способом. Таким образом, недостаточно сделать одно рабочее место демократическим (хотя это начало). Кооперативы могут рас-

¹¹ Sharryn Kasmir, *The Myth of Mondragon: Cooperatives, Politics, and Working Class Life in a Basque Town* (Albany, NY: SUNY Press, 1996), 86–87.

¹² Anders Christiansen, “Evaluating Workplace Democracy in Mondragon” (undergraduate thesis, University of Vermont, 2014).

крыть свой потенциал только как части более всеобъемлющей борьбы за передел всей экономики.

Общий фонд

Как мы будем финансировать кооперативы, стимулировать сотрудничество вместо конкуренции и связывать эти институты-члены с явно социалистической политикой? Мы предлагаем Общий фонд, который поглощал бы излишки доходов от сети кооперативов, контролируемых сообществом, и объединял бы средства, которые сообщества могли бы реинвестировать в экономическое развитие. Он находился бы под демократическим контролем членов-владельцев сетевых кооперативов и первоначально финансировал бы дополнительные кооперативы для дальнейшего роста этой сети. По мере роста фонд мог бы инвестировать в такие некоммерческие цели, как строительство новой инфраструктуры, создание других независимых социалистических институтов и финансирование политических движений, чтобы взять на себя и реформировать местное самоуправление в радикально-демократическом направлении.

Кредитные потоки через неэкстрактивное финансирование от таких организаций, как Working World, являются особенно хорошей отправной точкой для собственности рабочих. Первоначальный капитал фонда Working World был собран из пожертвований, инвестиционного капитала и прибыли успешных рабочих кооперативов, которые его контролируют. Организация использует этот смешанный поток капитала для предложения беспроцентных кредитов и образовательной поддержки недавно созданным рабочим кооперативам или существующим фирмам, передающим право собственности рабочим. Уникально то, что фонд не принимает никаких выплат по кредиту, пока кооператив не начнет приносить прибыль, и даже тогда он возвращается строго в виде процента от прибыли. (В месяцы без прибыли фирма ничего не платит). Working World профинансировал более 200 компаний, контролируемых рабочими, по всему миру, и он был настолько успешным, что теперь возглавляет развитие сети местных фондов для кооперативов.¹³ В настоящее время фонду нужны местные организаторы для создания местных кредитных учреждений и инкубации новых кооперативов, и ответ на этот призыв станет мощным дополнением к организации труда и развитию низовых кооперативов, предложенным здесь. Такая сеть фондов — при условии демократического контроля и финансирования снизу вверх — может стать основой новой кооперативной экономики и нового коллективно-активного рабочего движения.

Нет сомнений, что организованная борьба рабочих важна. Но профсоюзное движение прошлого развивало институты в первую очередь для того, чтобы усилить свои коллективные действия в рамках капитализма. Теперь эти пролетарские институты должны заменить капитализм.

¹³ The Working World, www.theworkingworld.org; Oscar Abello, “Closing the Funding Gap for Worker Cooperatives,” NextCity, July 8, 2016, nextcity.org.

Правила для радикалов созданы, чтобы их нарушать

В организации сообществ в Соединенных Штатах исторически доминировала модель, известная как «организация сообществ на основе институтов» (или «широкая организация сообществ»). Эта модель развилась в середине века из работы Сола Алински в районах Чикаго и организации гражданских прав Southern Christian Leadership Conference по всему Югу. Наследие движения за гражданские права, очевидно, занимает центральное место в прогрессивном политическом воображении, и «Правила для радикалов» Алински до сих пор используются в качестве основополагающего руководства по организации. Основная идея этой модели заключается в том, что такие общественные институты, как профсоюзы и религиозные общины, уже внутренне организованы и уже имеют поддержку сообщества, что делает их идеальным средством для более мощной организации в интересах сообщества. Например, движение за гражданские права было организовано посредством существующей силы черной церкви. Основные организационные сети, основанные на этом наследии, продолжают использовать методологию институциональной, в основном религиозной организации по всем Соединенным Штатам, а организации, защищающие общественные интересы, опираются на традицию Алински в своих кампаниях по многим вопросам.

Однако организация на основе институтов опирается на две предпосылки, которые мы подвергаем сомнению. Одна из них заключается в том, что общественные институты уже существуют и созрели для организации. Другая заключается в том, что представительная демократия все еще может работать на людей, если только они достаточно вовлечены и оказывают достаточно давления.

В последние десятилетия общественные институты в Америке рухнули под натиском неолиберального государства, роспуском организованного труда, приватизацией общественного пространства и государственных школ, закрытием рекреационных и общественных центров и уменьшением важности организованной религии для многих людей, особенно для молодого поколения. Проще говоря, работа через сегодняшние общественные институты не приведет нас далеко, если их не хватает, а те, что выжили, менее важны, чем когда-то были для многих граждан.

Использование существующих институтов для требования уступок от власти также не позволяет полностью раскрыть потенциал «железного правила организации» самого Алински — никогда не делай для других то, что они могут сделать для себя. В институциональной организации железное правило означает, что профессиональные организаторы должны делать упор на обучение и развитие лидерских качеств в сообществе, а не на проведение кампаний от имени сообщества. Первый метод наращивает власть и расширяет организацию или движение; последний душит ее. Хотя философия, лежащая в основе железного правила, разумна, институциональная организация не заходит достаточно далеко. Обучение людей давлению на рычаги власти в (едва) представительной демократии по-прежнему означает в конечном итоге полагаться на других — в основном на неотзывчивых «избранных» должностных лиц и недемократические институты — для внесения изменений от имени сообщества, а не инициировать эти изменения самостоятельно.

Институциональные организационные сети и разрастающаяся экосистема групп по защите общественных интересов также придерживаются другого основного принципа альпинского: вопросы, которые они поднимают, должны быть конкретными, немедленными и победоносными. По нашему опыту, эти ограничения ограничили сферу того, что такие организации считают возможным, и степень, в которой они могут изменить основные структуры общества. Как задают вопрос организаторы сообществ Фрэнсис Калпотура и Ким Феллнер (1996):

Обязательно ли борьба за постепенные изменения содержит или даже приводит к критике преобладающих социальных и экономических структур, или она просто перераспределяет тот же пирог другими способами? Все чаще с 1960-х годов мы также спрашиваем: создают ли организации, которые участвуют в этой борьбе — якобы для изменения властных отношений между сильными и обездоленными — более справедливые и равноправные внутренние структуры или они просто копируют модели и культуру более крупного общества?¹⁴

Предлагаемая здесь модель фокусируется на конкретных практиках удовлетворения интересов сообщества и подразумевает принятие немедленных победных шагов, но в центре внимания всегда находится более широкое видение системной трансформации.

Хотя это должно опираться на это наследие организации сообщества, переход к нашей следующей системе должен отдавать приоритет созданию новых общественных институтов демократического самоуправления и самодостаточности, а не работе по традиционной модели организации, которая избегает предоставления услуг. Создание и организация этих институтов являются средствами для создания власти сообщества, подготовки его к проведению более традиционных организационных кампаний, когда это необходимо, чтобы заставить правительство или частный сектор действовать в интересах сообщества. В то же время эти демократические кооперативы могут быть целями сами по себе, заполняя пробелы сокращающегося государства всеобщего благосостояния посредством сетей взаимопомощи и прямого действия там и тогда, когда государство и частный сектор не в состоянии реагировать на нужды или требования граждан.

Лучшим американским предшественником этого аспекта модели является Партия черных пантер. Тем не менее, весь радикальный потенциал ее организационной модели остался нереализованным. Основанная в 1966 году, партия «Черные пантеры» сформулировала видение прав чернокожих и революционного социализма в противовес американскому милитаризму, обнищанию черных общин и полицейскому насилию. Их «Программы служения людям» включали бесплатные завтраки для голодных школьников, кооперативную обувную фабрику, общественные медицинские клиники и образовательные центры, а также кооперативное жилье для малообеспе-

¹⁴ Francis Calpotura and Kim Fellner, "The Square Peg Finds Their Groove: Reshaping the Organizing Circle," H-Urban Seminar on the History of Community Organizing and Community-Based Development, COMM-ORG Papers Collection, vol. 3 (1996).

ченных людей.¹⁵ Они часто иллюстрировали функцию программ метафорой того, что они оказались на спасательном плоту — сообщество должно предпринять практические шаги, чтобы остаться в живых в настоящем, но никогда не забывать, что настоящая цель — добраться до берега, до революции. «Пантеры» понимали эти программы как «выживание в ожидании революции» — средство поддержания своих общин до тех пор, пока они не смогут достичь освобождения.

Программы выживания доказали обществу, что Черные пантеры серьезно настроены на улучшение жизни чернокожих людей. Такой подход позволил Пантерам наращивать власть там, где одна революционная риторика потерпела бы неудачу, и членство увеличилось. Тем не менее, такие программы могли бы быть структурированы для наращивания власти даже больше, чем они это сделали. Если они решают больше, чем просто выживание, путем создания структур общества, автономного от государства и капитала и противостоящего им, программы выживания могут также стать программами освобождения. Удовлетворяя основные потребности общества, такие институты подрывают контроль капитализма над жизнями людей, позволяя угнетенным людям выкраивать себе место в капитализме, защищать его и таким образом преобразовывать мир вокруг себя. Эта связь между «работой по выживанию» и «работой по освобождению» является основной темой разработанного здесь политического видения.

Успехи и неудачи Партии Чёрных Пантер могут многому научить нас о том, как одерживать настоящие победы в настоящем. Мы намерены опираться на традицию Чёрных Пантер, одновременно выводя их модель на новый уровень.

Революционное институциональное строительство на практике

Как эти движущиеся части в нашей стратегической структуре могут работать вместе как мощная революционная сила? Ниже мы используем первую палестинскую интифаду, чтобы продемонстрировать, что интеграция институтов взаимопомощи и демократии участия может мобилизовать все общество в эффективное движение сопротивления. Затем мы излагаем план масштабирования такого рода организации для революционного перехода в американском городе.

Организация первой интифады

Первая интифада вспыхнула в конце 1987 года как массовое восстание против израильской оккупации палестинских территорий. Это была одна из самых мощных народных мобилизаций в новейшей истории, во многом ответственная за соглашения в Осло и формирование Палестинской администрации как основы для достижения палестинской независимости. Несмотря на недостатки этой основы, эта народная борьба перевернула предыдущий консенсус вокруг фактической аннексии

¹⁵ David Hilliard, ed., *The Black Panther Party: Service to the People Programs* (Dr. Huey P. Newton Foundation, Albuquerque: University of New Mexico Press, 2008).

оккупированных территорий и невозможности палестинского государства, изменив ход конфликта навсегда.

Большая часть обсуждений Первой интифады сосредоточена на роли массовых протестов в том, что палестинское общество стало неуправляемым для израильских оккупационных сил. Менее обсуждается роль общественных организаций взаимопомощи и конфедеративной партиципаторной демократии в том, что такие массовые протесты стали возможными. Ниже представлен краткий обзор того, как эти институты заложили основу и поддерживали революционный переворот против одного из самых тоталитарных политических порядков того времени.

Организация в тюремной системе была политическим инкубатором палестинского движения сопротивления и представляет собой микрокосмический пример развития двоевластия в гораздо более крупной тюрьме оккупации. С помощью голодовок политические заключенные в конечном итоге добились уступок для своего собственного самоуправления в тюрьмах. Они создали структуры политической организации и представительства, заставили тюремные власти признать этих представителей и разработали разделение труда вокруг гигиены, образования и других ежедневных задач. Палестинские заключенные описали эту договоренность как *tanthim dakhili* («внутренняя организация»), похожую на концепцию двоевластия. Даже в наименее свободных обстоятельствах эти заключенные выкроили пространство для самоуправления и создали предпосылки для революционной борьбы.

Заключенные преподавали и изучали все, от палестинской истории до марксистской политической экономики, часто по 8–14 часов в день.¹⁶ Когда эти недавно образованные и обученные политические активисты были освобождены обратно в общество, движение сопротивления было оживлено. Неграмотные подростки, арестованные за бросание камней, через несколько месяцев снова вступили в бой как преданные своему делу, компетентные организаторы, изучавшие построение движения, стратегическое гражданское сопротивление и диалектический материализм.

Между тем, организационный контекст за пределами тюрьмы кардинально изменился. Салех Абу-Лабан, палестинский политзаключенный с 1970 по 1985 год, заявил: «Когда я попал в тюрьму, не было никакого «национального движения»; были только подпольные ячейки, которые действовали тайно. Когда я вышел, я обнаружил мир, полный организаций, комитетов и общественных институтов».¹⁷

Центральным в этом новом мире организации сообществ было палестинское рабочее движение. Профсоюзы формировались по месту жительства рабочих, а не на рабочих местах, поскольку труд мигрантов был распространен, а палестинское профсоюзное движение в Израиле было криминализировано. Затем профсоюзы сформировали прочные альянсы с местными организациями в национальном движении. С быстрым ростом в начале 1980-х годов профсоюзы сочли необходимым децентрализовать и демократизировать свою структуру, чтобы стать более устойчивыми, поскольку израильские репрессии против профсоюзных лидеров и орга-

¹⁶ Maya Rosenfeld, *Confronting the Occupation: Work, Education, and Political Activism of Palestinian Families in a Refugee Camp* (Stanford: Stanford University Press, 2004), 252; Avram Bornstein, «Ethnography and the Politics of Prisoners in Palestine-Israel», *Journal of Contemporary Ethnography* 30, no. 5 (2001), 546 – 574.

¹⁷ Rosenfeld, *Confronting the Occupation*, 218.

низаторов ужесточались.¹⁸ Эти местные профсоюзы были объединены в сеть через Палестинскую коммунистическую партию и Блок рабочего единства, создав сеть профсоюзных организаторов и общественных групп, которые связали их классовую борьбу с более масштабным проектом национального освобождения.

Молодежь также играла важную роль. Они организовывали студенческие ассоциации в средних школах и университетах. Там они собирали демонстрации, создавали волонтерские комитеты, обслуживающие лагеря беженцев и бедные деревни, и направляли молодежь в национальное движение. Молодежь культивировала практики солидарности, которые были решающими во время восстания, включая формирование в основном студенческой национальной сети взаимопомощи для координации предоставления услуг среди десятков местных комитетов.

Палестинское женское движение, возможно, было самым важным из всех в закладывании фундамента для Первой интифады.¹⁹ Эти феминистские организаторы начали с решения реальных материальных нужд своих членов, но намеренно ориентировали эти проекты на более высокие цели освобождения женщин и палестинского национального освобождения. Женские комитеты, которые они сформировали, объединяли домохозяек и работающих женщин в городах и поселках по всем оккупированным территориям. Они создавали классы и кооперативы кустарной промышленности (управляемые примерно по анархо-синдикалистским принципам, с одним голосом на каждого члена-работника) для женщин, искавших дополнительный доход.²⁰ Организаторы ходили от двери к двери в бедных деревнях и лагерях беженцев, чтобы охватить женщин, которые были неграмотными, экономически зависели от мужчин и в основном были ограничены частной домашней жизнью. Бесплатный кооперативный уход за детьми позволил этим бедным женщинам вступить в кооперативы, посещать курсы грамотности и профессиональной подготовки и участвовать в политике женских комитетов.²¹

Женские комитеты представляли собой конфедеративную систему с сетями отдельных комитетов, демократически управляющих местными проектами. Каждый женский комитет избирал члена, представляющего его членов в окружном/региональном комитете, который в свою очередь избрал представителей в национальный орган. Эти национальные женские комитеты наладили прочные связи с профсоюзами, расширили каналы взаимопомощи и воспитали лидеров общин.

Такие действия служили нескольким целям. Они сделали условия военной оккупации более приемлемыми, поддерживая палестинские семьи перед лицом беспощадной колонизации. Они предоставили отдельным женщинам большую экономическую независимость, позволив им медленно расширять границы патриархального контроля и более активно участвовать в общественной жизни и национальном движе-

¹⁸ Joost R. Hiltermann, ed., *Behind the Intifada: Labor and Women's Movements in the Occupied Territories* (Princeton: Princeton University Press, 1993), 7, 34, 57, 64.

¹⁹ Joost R. Hiltermann, "The Women's Movement During the Uprising," *Journal of Palestine Studies* 20, no. 3 (spring 1991), 48–57.

²⁰ Hiltermann, *Behind the Intifada*, 52; Philippa Strum, *The Women are Marching: The Second Sex and the Palestinian Revolution* (New York: Lawrence Hill Books, 1992), 74–78.

²¹ Philippa Strum, *The Women are Marching: The Second Sex and the Palestinian Revolution* (New York: Lawrence Hill Books, 1992), 53.

нии. Они заложили ранние основы «домашней экономики», которая способствовала палестинской самодостаточности и позже обеспечила устойчивую материальную поддержку экономического сопротивления израильской оккупации в таких формах, как бойкоты и забастовки. Наконец, эти женщины создали организационный потенциал сообщества для ведения широкой социальной борьбы, охватывающей все сегменты палестинского общества.

Эти различные местные общественные институты пересекались друг с другом в кооперативном плане. Женские комитеты и комитеты добровольной работы объединяли усилия для многих своих благотворительных проектов, феминистские организации руководили профсоюзами рабочих швейной промышленности, а политические партии помогали объединять различные трудовые группы.

Рабочие, студенческие и женские движения в конечном итоге объединились в важнейший политический институт интифады — аль-лиджан аш-шаабийя, народный комитет²², — и положили начало радикально демократическому совету по управлению общиной.

Когда 8 декабря 1987 года израильский военный грузовик убил четырех палестинцев в лагере беженцев Джабалия, массовое движение протеста быстро вспыхнуло на территориях. Огромные демонстрации возникли в каждом лагере и городе, требуя справедливости для жертв и прекращения оккупации. К январю 1988 года народные комитеты сформировались из социальной инфраструктуры местных профсоюзов, женских комитетов, студенческих ассоциаций, политических партийных организаций и дружелюбных соседей по всему Западному берегу и сектору Газа. Комитеты выполняли задачи для всех мыслимых социальных функций: сбор мусора, определение дат местных забастовок, сбор пожертвований через «альтернативную систему налогообложения», распределение продовольствия и медицинской помощи, ремонт поврежденных зданий, организация строительства баррикад, развитие местной экономической самодостаточности и многое другое.

Подобно женским комитетам, народные комитеты координировали свои действия друг с другом через конфедеративную структуру. Местные комитеты назначали делегатов для представления их в районных/муниципальных комитетах, которые координировали действия сопротивления среди районов, лагерей и близлежащих деревень. Эти комитеты, в свою очередь, выбирали представителей в окружной комитет, а окружные комитеты направляли представителей в аль-Кияда аль-Мувхада, тайное Единое национальное руководство восстания (UNLU).²³ UNLU впервые начал распространять брошюры в январе 1988 года, подробно описывая даты забастовок, бойкотов израильских товаров, маршей и других указаний для отдельных народных

²² Also called “neighborhood councils” (or, in rural areas, “village councils”).

²³ In older sources, the UNLU is commonly mischaracterized as a command structure with political parties at the center. More recent interviews with veteran organizers in the popular committees provide little to no evidence for this framing. Rather, the UNLU was dependent on and democratically embedded in the popular committee network. See Mazin B. Qumsiyeh, *Popular Resistance in Palestine: A History of Hope and Empowerment* (London: Pluto Press, 2011); Mason Herson-Hord, “Sumud to Intifada: Community Struggle in Palestine and the Western Sahara” (undergraduate thesis, Princeton University, 2015).

комитетов, такие как призывы развивать «домашнюю экономику»,²⁴ удерживать налоги у оккупационного режима и уходить в отставку с постов в оккупационном правительстве.

Эта структура действовала как демократическое конфедеративное теневое государство, параллельное и противостоящее репрессивному и недемократическому военному правительству, с восторженной националистической легитимностью и организационной эффективностью, чтобы компенсировать отсутствие монополии на насилие. Она осуществляла трехчастную стратегию сопротивления оккупации: подрыв гегемонии, осуществляемой оккупацией и ее институтами; переуправление оккупацией с помощью параллельных институтов для удовлетворения человеческих потребностей; и создание новой националистической гегемонии для вытеснения оккупации.

Эта организационная структура также оказалась необходимой для координации местных действий в общетерриториальную сплоченность. Она дала простым палестинцам голос в направлении борьбы и формирования их нового общества.²⁵ Создание двоевластия с нуля позволило мобилизовать всю палестинскую общественность против ее коллективного лишения избирательных прав и лишения собственности. Для тех из нас, кого вдохновил рост горизонтализма в сегодняшних социальных движениях, Первая интифада может многому научить относительно организационных условий, необходимых для того, чтобы этот идеал был действительно реализован практическим и мощным образом.

В конце концов масштаб репрессий стал слишком большим даже для этой весьма устойчивой модели. Заключение в тюрьму самых опытных организаторов и паранойя по поводу широкой сети наёмных или принуждённых информаторов в палестинском обществе в конечном итоге сломали, а затем и уничтожили организационный потенциал интифады, и движение рухнуло. То, как палестинское освободительное движение могло бы добиться большего успеха в свержении оккупационного режима, — это другой вопрос; тем не менее, движение иллюстрирует, как эта форма низового демократического институционального строительства может направлять коллективные действия в невероятных масштабах и усиливать демократию участия и взаимопомощь как руководящие силы общества. Конечной целью Первой интифады было не построение либертарного социализма или радикальной демократии, а замена оккупации демократическим палестинским государством. Тем не менее, аналогично структурированное движение с другими целями могло бы следовать аналогичным путем с большим успехом в более свободном обществе, таком как США. Для палестинцев либертарианский социализм и радикальная демократия бы-

²⁴ Community gardens, cottage industry cooperatives, food and medicine distribution networks, and other forms of economic self-sufficiency provided subsistence for neighborhoods so they could both provide for all members of the community and participate fully in strikes and boycotts.

²⁵ One First Intifada veteran interviewed in Beit Sahour in 2014 said that he was jokingly accused of being in the UNLU because the suggestions his popular committee had given him to present to Beit Sahour's town-wide committee appeared in a UNLU leaflet two weeks later. This model was extremely effective at disseminating strategies for popular resistance. The idea of a tax strike, deployed so effectively by the people of Beit Sahour, was actually first proposed by the popular committee of a small village near Nablus and ended up in a communiqué printed and distributed by popular committees throughout occupied Palestine. See Herson-Hord, "Sumud to Intifada."

ли средствами национального освобождения; для нас они будут и средствами, и целями.

К американскому двоевластию

Первая палестинская интифада доказывает потенциальную силу объединения частей двоевластия в единое целое. Как будет выглядеть эта организующая модель, перенесенная в американский контекст? В качестве примера мы возьмем Детройт, штат Мичиган, — город, который мы знаем лучше всего, и в котором мы впервые намерены начать воплощать изложенные здесь идеи в жизнь. Это также один из городов, сильнее всего пострадавших от текущего неолиберального кризиса. Условия Детройта с недемократическим управлением, заниженной стоимостью недвижимости, депопуляцией городского ядра, высоким уровнем загрязнения, чрезвычайно мощными застройками, высоким уровнем бедности и расовой сегрегации более экстремальны, чем в большинстве других городов, хотя и не исключительны. Постиндустриальные города по всему Ржавому поясу и в других местах представляют собой схожие проблемы и возможности, и то, что работает в Детройте, вероятно, будет иметь схожее применение.

Далее следует неточный план того, как организаторы, начиная с нынешних условий, могут построить двоевластие и либертарианский экосоциализм в Детройте и, посредством параллельной организационной работы по всей стране и миру, масштабировать оттуда. Чтобы сделать наш обзор кратким и понятным, мы ограничиваем это обсуждение предполагаемой эволюции демократических кооперативных институтов жильем, продовольственной справедливостью, энергетикой и соседской демократией — вместо того, чтобы пытаться наметить аналогичную траекторию для каждой возможной проблемы. Эти и многие другие институты будут координироваться в сети и подходить к ним через структуру стратегической эскалации. Другими словами, мы начинаем с малого, с того, что мы можем сделать сейчас, но одновременно рассчитываем каждый проект и действие, чтобы нарастить власть в будущем и перенести борьбу на несколько фронтов экономической и политической жизни.

Жилищный капитал

В эту эпоху стремительной урбанизации во всем мире жилье и недвижимость являются центральными полями битвы классовой борьбы. Власть застройщиков и арендодателей над арендаторами и обществом в целом позволяет им извлекать богатство и ресурсы, навязывать искусственный дефицит, выселять бедных жителей из своих сообществ посредством джентрификации ("облагораживания") и «городского обновления», лишая людей их основного права на жилье и подавлять подходы к городскому развитию, которые могли бы поднять общее благо. Тем не менее, именно городское общее достояние придает первоклассной недвижимости большую часть ее стоимости — через инфраструктуру, культуру и человечество, сгруппированные вокруг нее. Эта социальная ценность, которую мы все создаем, захватывается крошечным классом рантье за счет всех остальных из нас.

Детройт хорошо расположен для новаторских методов борьбы с этим социальным порядком. Большая часть города имеет сильно заниженную стоимость недвижимости, но находится на пороге крупной волны джентрификации (вероятно, в течение следующих 20 лет). Низкая стоимость недвижимости не означает отсутствие капиталистических интересов и эксплуатации в сфере недвижимости; с 2005 года более трети всех домов в Детройте были конфискованы из-за невыплаты ипотеки или налоговых задолженностей. Концентрированная застройка в центре и в центре Детройта одновременно сеяла процесс неинклюзивного «возвращения», вырезая карман для белого и среднего класса в преимущественно черном и низкодоходном городе.

Рост стоимости недвижимости приводит к выселению бедных жителей двумя способами. По мере роста спроса в регионе арендодатели повышают арендную плату, а арендаторы, которые не могут позволить себе эти повышенные расходы, выселяются. В то же время, по мере роста оценочной стоимости дома растет и налоговое бремя. Если домовладельцы не могут позволить себе новые налоги на недвижимость, они столкнутся с налоговым взысканием, их дом будет продан на аукционе, а они выселены. Многие арендаторы, которые платили аренду, также выселяются, потому что их арендодатели не платили налоги на недвижимость.

Уже предпринимаются организованные усилия по удержанию семей, лишенных права выкупа жилья, в их домах.

Созданный в 2014 году, Tricycle Collective покупает занятые дома на аукционе округа, часто по цене, значительно меньшей, чем задолженность по налогам, и возвращает право собственности жильцам.²⁶ Хотя эта форма временных налоговых льгот для таких семей имеет важное значение, она оставляет их уязвимыми для будущей налоговой задолженности и не делает ничего, чтобы изменить структурные силы рынка недвижимости, которые приводят к выселению, жилищной сегрегации и джентрификации. Единственное решение, которое гарантирует жилье для граждан с низким доходом, — это социализация: полное удаление жилья с рынка.

В краткосрочной перспективе учреждение, наиболее подходящее для создания антиджентрифицирующего оплота социального жилья, управляемого сообществом, — это общественный земельный траст (CLT). CLT — это некоммерческое юридическое лицо, которому поручено управление имуществом в интересах сообщества — обеспечение доступного жилья, сохранение экологических активов и стимулирование кооперативного развития кварталов. Структура руководства CLT в Детройте, разработанная по радикально демократическим принципам, будет иметь отзываемых членов правления, подотчетных членам жилищного кооператива, и будет подвергаться изменениям политики демократическому одобрению.

С помощью этого CLT организаторы собирали бы средства на покупку как заброшенных, так и (с согласия домовладельца или арендатора) заселённых жилых помещений, восстанавливали бы их и обеспечивали бы их доступным жильем с поправкой на доход вне рынка. Как и в модели Habitat for Humanity, те, кто получает жилье через CLT, отдавали бы определенное количество рабочих часов (сами или кем-то другим от их имени) будущим проектам по восстановлению домов для

²⁶ Those being foreclosed upon are prohibited by law to bid on their own homes.

расширения системы кооперативного жилья.²⁷ Мы также собирали бы скалды инструментов и строй-материалов, сокращая расходы как для бригад по ремонту домов, так и для членов сообщества.

CLT может создать разнообразный ландшафт жилья, нацеленный на поощрение намеренного сообщества, удовлетворяя при этом потребность разнообразного населения в жилье. По сути, жилищная система максимизирует выбор жителей и создает возможности для экспериментов в различных формах кооперативного проживания. Понятно, что многие люди и семьи не хотят жить в коммунах, и акцент на расширении кооперативной сферы повседневной жизни не должен быть препятствием для входа. Однако многие другие люди чувствуют себя ограниченными отчуждением и ограничениями текущих вариантов жилья. Возрождение сообщества и противодействие нашей социальной атомизации являются важным аспектом всех проектов в этой организационной модели — прежде всего переосмысление условий проживания.

Жилищные условия в этой системе будут различаться по двум осям: продолжительность предполагаемого проживания и степень общности. По первой оси варианты жилья будут варьироваться от экстренного временного убежища для тех, кто в настоящее время находится на улице; до переходного жилья для жертв физического и домашнего насилия, ищущих убежища, и тех, кто переезжает из временных приютов в качестве отправной точки для получения других социальных услуг (модель «сначала жилье»); для краткосрочного жилья на срок до года для студентов университетов или долгосрочных посетителей; до полупостоянного жилья от одного до пяти лет с возможностью продления при необходимости; и, наконец, до постоянного жилья для тех, кто планирует остаться в доме или квартире на неопределенный срок.

На второй оси варианты будут варьироваться от отдельных квартир и односемейных домов до различных ситуаций совместного проживания. Некоторые квартиры будут перепроектированы так, чтобы у жителей были частные жилые помещения, соединенные с общими помещениями для отдыха, приготовления пищи и приема пищи. Сплоченные кварталы соседства будут объединены с продовольственным кооперативом, так что в одном здании будет размещаться просторная кухня и столовая, где все жители всего квартала собираются для приема пищи, по очереди готовя и убирая еженедельно. Другие большие дома и жилые комплексы могут стать местами еще более тесно связанных намеренных сообществ. Общее управление домом, общая деятельность, общие принадлежности и углубления отношений, а также коллективное воспитание детей — все это черты нынешних намеренных сообществ, которые такая жилищная система будет развивать и расширять. Некоторые дома или квартиры также примут модель сообществ Кэмп-Хилл и Л'Арш, в которых люди с разными физическими и умственными способностями будут жить в сообществе вместе с трудоспособными и нейротипичными людьми, или смешанного возраста в качестве альтернативы сегрегации и повсеместному насилию над пожилыми людьми в домах престарелых.

²⁷ Most uninhabited homes in Detroit are in need of serious repair to become habitable again. A cooperative labor pool would vastly reduce the costs of each renovation.

Разработка доступных вариантов кооперативного жилья за пределами дестабилизирующегося рынка недвижимости является значимым шагом к предотвращению изгнания бедных цветных сообществ в Детройте. CLT, используемый таким образом, будет способствовать развитию сообщества, одновременно закладывая основу для освобожденного общества.

Продовольственная и экологическая справедливость

CLT также полезны для наращивания власти, чтобы обеспечить продовольственную справедливость для заброшенных сообществ. Во многих местах по всей стране эти институты использовались для управления общественными садами. Разработка кооперативной, устойчивой местной продовольственной системы имеет первостепенное значение как для городских сообществ, так и для биосферы. Городские общественные сады могут одновременно восстанавливать общественное пространство, расширять гражданское участие и социальные связи сообщества, а также обеспечивать людей с ограниченным доступом к здоровой пище. В Детройте, где огромные полосы города представляют собой продовольственные пустыни, во многих частях города уже появились общественные сады, но по большей части они не координируются друг с другом или с людьми, которым больше всего нужна еда. Как и в случае с жильем, общественный земельный траст мог бы сотрудничать с социальным подразделением этой организации с двойной властью, чтобы подключать отдельных лиц и семьи к сети взаимопомощи, поставляющей свежую продукцию из общественных садов.

Даже если радикально расширить их с их нынешнего мелкомасштабного, лоскутного уровня, эти сады не смогли бы удовлетворить все потребности Детройта в продовольствии. Но они начали бы заменять неустойчивую и нездоровую промышленную продовольственную систему и развивать информированное продовольственное движение, которое может подтолкнуть к радикальным изменениям в производстве продовольствия по всему миру.

Капиталистическая продовольственная система, мягко говоря, отчаянно нуждается в капитальном ремонте. Она является одним из главных факторов разрушения среды обитания, изменения климата и опасного уровня загрязнения почвы и воды. Осушая водоносные горизонты, отравляя окружающую среду пестицидами и гербицидами, заменяя сложные экосистемы промышленными монокультурами и дестабилизируя глобальный азотный цикл посредством чрезмерной зависимости от нефтехимических удобрений, она подрывает экологическую базу, от которой зависит все сельское хозяйство (и сама жизнь). Более того, продукты питания, которые производит эта система, плохо распределяются рынком. Восемьсот миллионов человек во всем мире недоедают, включая 15 процентов американских домохозяйств и каждого пятого американского ребенка. Худшим нарушителем является животноводство с его неэффективным землепользованием и вредом для воды, воздуха, почвы, климата, среды обитания диких животных и здоровья человека. Наши фермы и рыболовные хозяйства ужасно эксплуатируют людей-рабочих, подвергают самих животных бессовестному насилию и наносят ущерб местным экосистемам.

Делая продукцию доступной и недорогой, общественные сады являются важным шагом на пути к системе питания на основе растений.

Эта роль общественных садов не только материальная, но и идеологическая. Так же, как родительские кооперативы по уходу за детьми расширяют права и возможности женщин из рабочего класса и бросают вызов патриархальным нормам, и так же, как методы восстановительного правосудия сокращают власть полиции и тюрем и бросают вызов бесчеловечным, часто расистским и всегда мизантричным убеждениям, лежащим в основе этих институтов, так и устойчивые общественные сады будут кормить людей и бросать вызов хищной логике традиционного сельского хозяйства. Принимая принципы пермакультуры и агроэкологии в городских садах и жилищном строительстве, то есть интегрируя человеческое общество и производство продовольствия в наши экосистемы, а не уничтожая их, люди начинают больше осознавать свою роль в пищевой цепи и менее отчужденными от нечеловеческого мира. Общественные сады должны приветствовать каждого, кто вносит свой вклад, независимо от идеологии.

Однако организаторы должны также работать над передачей зеленой и пост-гуманистической этики — глубокого уважения к взаимосвязанному живому миру, частью которого мы являемся — через общую практику выращивания пищи, которая поддерживает всех нас. Без взращивания и передачи этих ценностей любой социалистический проект вряд ли будет успешным в долгосрочной перспективе, поскольку сокращение биоразнообразия угрожает каждому обществу.

Экологические усилия должны в конечном итоге выйти за рамки продовольствия, влияя на все аспекты общества от одежды до научных исследований, от транзита до отдыха, от добычи ресурсов до управления отходами. Нечеловеческие интересы должны в конечном итоге быть представлены в структурах партиципативной демократии через человеческих доверенных лиц, чтобы дать им голос, и закрепленные нормы, которые делают определенные виды деятельности запретными, аналогично текущим инициативам по предоставлению законных прав экосистемам и отдельным нечеловеческим существам. Но чтобы достичь этого, как показывают исследования, нам нужно помочь людям развить эмоциональную привязанность к природе.²⁸ Отличное место для начала — сад.

Энергетическая демократия

Производство, распределение и потребление энергии — еще одно критическое место экологической и классовой борьбы в городском ландшафте. Как и в большинстве мегаполисов США, энергосистема Детройта контролируется частной монополией, поддерживаемой государством. Энергетическая компания (DTE) обеспечила 10–15-процентную прибыль на все инфраструктурные инвестиции за счет установления цен государственными регуляторами. Это особенно эксплуататорская и (как показано ниже) уязвимая модель энергетического капитализма. Эффективные, дальновидные организаторы могут помочь своим сообществам обойти ценовое манипулирование и загрязнение корпоративной монополией с помощью принадле-

²⁸ Jill Suttie, “How to Raise an Environmentalist,” Yes! Magazine (September 24, 2016).

жащей сообществу сети возобновляемой распределенной генерации, поставляющей доступную электроэнергию всем.

Со времен промышленной революции производство энергии было сложным и капиталоемким, требующим технологий и опыта, которые поддавались централизации, контролируемой элитой. В книге «Ископаемый капитал: рост паровой энергии и корни глобального потепления» Андреас Мальм утверждает, что переход с гидроэнергетики на угольную для промышленного производства на самом деле был обусловлен капиталистической потребностью усилить контроль над рабочей силой.²⁹ Текстильные фабрики, использующие дешевую гидроэнергетику, могли быть построены только там, где вода надежно-бы текла. Несмотря на то, что паровая энергия была дороже, она могла питать мельницу в любом месте, куда можно было доставить уголь. Возникшая в результате мобильность капитала позволила капиталистам обосноваться в городских центрах, которые — в отличие от сельских прибрежных районов — имели обильную резервную армию рабочей силы, которая могла служить штрейкбрехерами, и сильное государство, чтобы наказывать бастующих рабочих. Централизованный контроль над источниками энергии был и продолжает оставаться формой социальной власти. Социальная собственность на новые формы распределенного производства энергии, такие как ветер и солнце, потенциально угрожает этой власти.

Общественная энергетика уже начала укореняться в Детройте. В 2011 году DTE конфисковала все³⁰ более тысячи уличных фонарей в Хайленд-Парке из-за неоплаченных счетов за электроэнергию. В ответ жители Хайленд-Парка сформировали группу под названием Soulardarity для установки уличных солнечных фонарей, принадлежащих сообществу. Участники платят ежегодные взносы, чтобы поддерживать и расширять программу. Soulardarity — очень молодая организация, но ее модель имеет потенциал для расширения в солнечные батареи, ветрогенерацию и эффективные аккумуляторные системы для питания домов участников, особенно если она будет интегрирована в более широкую многозадачную стратегическую структуру. Солнечные батареи могли бы управляться общественными земельными трастами, принадлежащие сообществу беспроводные маршрутизаторы могли бы быть объединены с уличными фонарями для доступного общественного доступа в Интернет, а жилищные кооперативы могли бы сотрудничать в вопросах утепления и мер по экономии энергии.

Как и в случае с общественным садоводством, организация энергетической демократии представляет собой возможность для народного экологического образования. Без принятия мер по существенному улучшению жизни людей у Soulardarity не будет надежной платформы для повышения экологического сознания. Но, основывая свою образовательную работу на конкретной программе, в которую вкладывают силы члены сообщества, Soulardarity может эффективно общаться об изменении климата и экологической справедливости.

²⁹ Andres Malm, *Fossil Capital: The Rise of Steam Power and the Origins of Global Warming* (New York: Verso Books, 2016).

³⁰ Highland Park is a small, three-square-mile city entirely surrounded by Detroit.

Структура собственности в энергетической экономике является неотъемлемой частью прекращения выбросов парниковых газов. Как утверждает Наоми Кляйн в книге «Это меняет все», демократическое управление (а не коммерческое управление) сетью часто необходимо для перехода от зависимости от ископаемого топлива.³¹ Передав контроль над энергетическими системами в руки сообщества и масштабируя эти системы в общественную сферу, мы улучшим экономические условия в районе, предотвратив при этом климатическую катастрофу.

Советы соседей

В центре всей этой взаимопомощи и работы по социальному обслуживанию с участием общественности находится создание органов радикальной демократии. Подобно палестинцам в Первой интифаде, курдам в революционной Рожаве и каталонцам в гражданской войне в Испании, американские общины должны активно организовывать местные собрания, на которых свободные граждане собираются вместе, чтобы принимать решения и наделять эти институты политическими полномочиями. У Детройта есть несколько хороших отправных точек.

У Детройта долгая история квартальных клубов, на основе которых можно было построить соседские советы. В худшие времена рецессии квартальные клубы и более неформальные сети соседей оказались жизненно важными для предотвращения полного краха многих районов. Действительно, лучше всего спад пережили те районы, где уже были организованные квартальные клубы. Они косили пустыри и газоны, отгоняли потенциальных мародеров и общались с городом, когда основные услуги задерживались или отсутствовали. Однако квартальные клубы, как правило, аполитичны и почти всегда сосредоточены гиперлокально, с небольшим стремлением или способностью влиять на более широкую городскую политику. Тем не менее, как инкубаторы демократии участия, они могут координировать работу с другими кооперативными институтами и брать на себя более амбициозные общественные проекты, набираясь по мере сил.

Другой отправной точкой является организация арендаторов. «Общественный синдикализм» или «общественный юнионизм» — это стратегия организации арендаторов для коллективных переговоров с арендодателями. По сути, профсоюз арендаторов — это соседский совет, организованный вокруг многоквартирного дома или жилого комплекса. Организация арендаторов пересекается как с кооперативной жилищной работой, так и с распространением демократических советов. Организатор Take Back the Land Шейн Берли обсуждает общественный синдикализм в контексте экспорта анархо-синдикалистских методов организации труда в борьбу за пределами рабочего места.³² Он отмечает, что так же, как профсоюзы в этой традиции работают над тем, чтобы стать теми самыми структурами, которые могут заменить отношения босса и рабочего, когда капиталистические способы производства будут свергнуты, так и профсоюз сообщества арендаторов может бороться за то, чтобы

³¹ Naomi Klein, *This Changes Everything: Capitalism vs. the Climate* (New York: Simon and Schuster, 2014).

³² Shane Burley, “Ready to Fight: Developing a 21st Century Community Syndicalism.” Institute for Anarchist Studies (January 23, 2015), anarchiststudies.org.

взять на себя управление жилищной собственностью. Однако Берли не переносит эту цель организации рабочих и арендаторов — сформировать институты освобожденного общества — в самоуправление сообщества в политическом плане. Это серьезное упущение. Создание таких советов направлено на реструктуризацию демократического управления, основанного на участии сообщества, а не только на автономном управлении несколькими зданиями.

Конфедерация соседских советов будет контролировать управление общественными кооперативами и сетями взаимопомощи. Следующим шагом будет интеграция этих советов в само городское управление. В Детройте недавние поправки к Уставу города позволяют жителям района городского совета формировать Общественный консультативный совет (САС); затем их городской советник должен регулярно совещаться и проводить публичные встречи с этими советами. Создание или взятие под контроль этих САС может стать отправной точкой на пути к радикальному демократическому управлению. В других городах конкретные механизмы будут отличаться. Некоторые города запустили пилотные программы партиципаторного бюджетирования, следуя примеру Порту-Алегри в Бразилии.³³ Давление на город с целью принятия таких режимов управления станет важным шагом на пути к расширению полномочий районных советов и установлению демократической конфедеративной системы.

Уровень гражданской активности, поддерживаемый соседскими советами и другими проектами, также позволит этой революционной общественной организации захватить муниципальную власть напрямую через выборы. Городской устав затем можно будет переписать, реструктурируя городское управление в сторону радикальной партиципативной демократии. Именно на этом этапе стратегия институционального строительства, описанная здесь, начнет создавать каскадный эффект муниципальной трансформации.

Расширение радикальной демократии

Муниципальная власть предоставляет мощный новый рычаг для продвижения всей другой работы движения. Государственная поддержка кооперативных кредитных потоков и общественных фондов значительно расширит посткапиталистическую экономику. Как только кооперативное жилье станет достаточно обширным, чтобы продемонстрировать доказательство концепции и ослабить власть застройщиков, новая политическая база и поддержка городского совета могут быть направлены на дальнейшую муниципализацию земли и жилья. Пока центральная роль демократии участия в управлении системой кооперативного жилья закреплена юридически, ее муниципализация значительно расширит имеющиеся у сообщества ресурсы и юридические полномочия (например, принудительное отчуждение собственности). Город Детройт мог бы гарантировать жилье как право человека.

Муниципальные власти также позволят гражданам муниципализировать всю энергосистему, чтобы управлять ею в общественных интересах как частью город-

³³ Marion Gret and Yves Sintomer, *The Porto Alegre Experiment: Learning Lessons for Better Democracy*, trans. Stephen Wright (London: Zed Books, 2005).

ских общин. Затем голосующая общественность может добиться полного отказа от использования ископаемого топлива. При наличии достаточной уже существующей социальной и физической инфраструктуры вокруг общественной собственности на энергию этот сдвиг в сторону энергетической демократии вполне осуществим. В Мичигане государственные регулирующие органы устанавливают цену на электроэнергию, чтобы гарантировать DTE непомерную окупаемость инвестиций в определенном диапазоне. Если спрос на электроэнергию падает ниже прогнозируемого, они пересчитывают и повышают цену, чтобы поддерживать аналогичный уровень окупаемости. Такая структура ценообразования может привести к нисходящей спирали неплатежеспособности энергетической монополии: по мере того, как все больше людей переключаются на кооперативную возобновляемую энергию, цена на электроэнергию, которую продает DTE, будет расти, а средние капитальные затраты на общественную собственность будут падать. В конечном итоге DTE будет вынуждена столкнуться с финансовым кризисом из-за своего обязательства поддерживать такую высокую окупаемость для акционеров. В этот момент городское правительство будет в выгодном положении для муниципализации сети и покупки любой производственной инфраструктуры, которая будет служить общественному благу (например, солнечных батарей DTE).

Использование демократической власти для контроля над муниципальной политикой означало бы совершенно новое направление для реконструкции Детройта. Нереформаторские реформы, такие как налог на стоимость местоположения, обширный общественный транспорт и практика восстановительного правосудия, были бы в пределах досягаемости. Как и многие другие важные политики, для обсуждения которых в этом эссе не хватает места. Такой подход к радикальной организации мог бы создать всеобщую систему здравоохранения, основанную на общественных клиниках. Он мог бы значительно сократить сферу деятельности полиции и поставить все службы общественной безопасности под прямой гражданский контроль посредством патрулирования кварталов полицией и общественных групп обученных специалистов по психическому здоровью и деэскалаторов конфликтов. Он мог бы помочь нам переосмыслить государственную школу, интегрировав смешанные модели народного образования и обучение на уровне сообщества в общественную сферу, чтобы сделать их доступными для всех. Мы могли бы разработать общегородские велопрокаты, союзы по переработке и компостированию, общественные центры и банки времени.

Заключение: следующая система за пределами города

Предположим, мы можем реконфигурировать ряд крупных муниципалитетов, таких как Детройт, в соответствии с принципами либертарного муниципалитета, заставив городских чиновников подчиняться непосредственно конфедерации децентрализованных общинных советов и используя новую структуру городского управления для поощрения развития социалистических институтов в гражданском обществе, которые изначально сделали такую реформу возможной.

Распространялись бы кооперативы, общие фонды, общинные земельные трасты, коллективное жилье, социальные службы, городские сельскохозяйственные сети и другие подобные инновации. Что будет дальше?

Локальных действий самих по себе недостаточно для фактического преобразования капиталистического общества. Капитал и государственное насилие организованы на региональном и глобальном уровне, и такими же должны быть их замены. Как только мы установим двоевластие, мы сможем обратиться к более масштабным реформам, необходимым для перехода от капитализма. Вопрос в том, как перейти от местных и муниципальных учреждений к глобальной сети экономических кооперативов, организаций взаимопомощи и демократических органов принятия решений, которые могут бросить вызов и в конечном итоге свергнуть существующую структуру власти.

Ключ к этому лежит в том, что курдский революционер Абдулла Оджалан называет «демократическим конфедерализмом», версией либертарного муниципализма Букчина. Эта политическая система имеет в своей основе местную совещательную демократию, но она объединена в сеть, чтобы обеспечить региональное и, в конечном итоге, глобальное сотрудничество.³⁴ Например, назначенные делегаты Детройта могут посетить региональный конгресс — возможно, изначально сеть городов Среднего Запада, хотя в конечном итоге собрание, включающее каждое сельское, пригородное и городское сообщество в данном районе. По мере роста числа представленных сообществ будет расти и число конфедеративных уровней — от района до города, округа, штата или провинции, региона, страны, континента и, наконец, планеты.

Хотя на первый взгляд это может напоминать американский федерализм, разница в том, что в демократическом конфедерализме ключевой центр власти находится на низовом уровне. Делегаты могут быть немедленно отозваны и подотчетны пожеланиям сообществ, в то время как органы более высокого уровня сосредоточены в основном на координации и оставляют политику, насколько это возможно, местным сообществам.

В некотором смысле региональное сотрудничество работает так же, как и в пределах города — конфедерации участвуют в общей борьбе, создают автономные институты для координации и демократизации своих экономик и подрывают государство, делая его авторитет все более устаревшим в повседневной жизни. Эти региональные демократические органы также связывали бы экономики и гражданские общества своих соответствующих сообществ. Сеть городов Среднего Запада объединяла бы и перераспределяла ресурсы при необходимости, обменивалась бы товарами и услугами и планировала бы политические действия совместно. Такие совместные политические действия будут иметь решающее значение, когда напряженность двоевластия достигнет апогея. Стратегия борьбы с этой напряженностью будет сильно различаться в зависимости от страны, в зависимости от того, симпатизирует или враждебно относится государство к переходу или, что более вероятно, находится где-то посередине.

³⁴ Janet Biehl, “Bookchin, Öcalan, and the Dialectics of Democracy” (speech at Challenging Capitalist Modernity conference, Hamburg, Germany, February 3–5, 2012), new-compass.net.

В случае сочувствия, например, при левом или социал-демократическом правительстве, города, в которых укоренился демократический конфедерализм, будут настаивать на проведении значимых прогрессивных реформ.

Конфедерации объединят ресурсы для создания политических альянсов и победят в политике, варьирующейся от всеобщего базового дохода до строгой защиты окружающей среды и налоговых льгот для кооперативного бизнеса. Такая политика даст городам дополнительное время и пространство для продолжения создания своих альтернативных посткапиталистических институтов. Конечно, сосуществование даже с сочувствующим государством будет невозможно в долгосрочной перспективе — даже относительно демократические государства вряд ли добровольно уступят большую часть политической власти местным организациям и не могут от них ожидать, что они сами по себе исчезнут. Но это движение должно быть готово работать с ними и оказывать на них давление для проведения полезных реформ, даже если в конечном итоге оно нацелено на замену всех их функций — и, когда придет время, следуя Арендт, задушить их авторитет, лишив общественной поддержки.

Более сложным является враждебный случай, как при авторитарном или правом правительстве. Такое государство может использовать насилие для подавления любого местного восстания, как показывает пример Первой интифады. Или они могут закрыть законное право сообщества определять свое собственное будущее.

Например, многочисленные американские правительства штатов, находящиеся в кармане у индустрии ископаемого топлива, запретили поселкам и городам запрещать фрекинг. Администрация Трампа, скорее всего, попытается провести массовые депортации, что потребует оппозиционного единства городов-убежищ.

Изолированная революция хрупка, поэтому в условиях враждебности конфедерация и региональные альянсы становятся еще важнее. Сложнее подавить географически разбросанную революцию, и, если государство попытается, симпатизирующие города — особенно если они связаны с сообществами за пределами страны — могут начать собственные политические кампании против враждебного правительства или помочь своим осажденным союзникам. Прогрессивные социальные движения любого рода будут усилены, если направить свои усилия через постоянные общественные институты, а не станут вспышками на сковородке, как это происходит со многими протестными движениями. Существование широко распространенной и мощной альтернативы — единственная надежда на то, чтобы разжечь достаточное количество арендтского неповиновения, чтобы ослабить государство.

Мы все можем утешиться тем фактом, что эмбриональные формы этой радикальной демократической стратегии появились во многих странах, и глобальный разговор среди либертарных левых может привести к появлению такого транснационального альянса. Греческая база организаций взаимопомощи, которая привела СИРИЗА к власти, сапатисты Чьяпаса, курдские революционеры Рожавы и общины беженцев-сахрави западного Алжира — все это примеры международного сдвига в левой политике, основанного на принципе «сообщество прежде партии», с растущим пониманием того, что государство — не единственный политический инструмент, с которым нам приходится работать. Организуясь через границы, мы можем вместе построить эти прообразы эгалитарного и экологического общества, которое мы хотим создать.

Независимо от того, что происходит, мы можем ожидать, что частный сектор будет враждебным, ускоряя необходимость в единстве и конфедерации. Кооперативная экономика должна быть связана сетью между городами, чтобы стать достаточно большой и устойчивой, чтобы стать жизнеспособной и стабильной заменой капитализма. Региональные политические органы также лучше позиционированы, чем местные, для успешного сдерживания капиталистической власти, просто в силу своего масштаба. Более крупные институты также более заметны и, таким образом, лучше подходят для того, чтобы служить моделью для сообществ по всему миру.

Одно за другим целые правительства и капиталистические отрасли промышленности будут распадаться по мере распространения их демократических коммунальных альтернатив. И что это нам оставит?

Важно не предполагать точные контуры будущего общества, поскольку ни один статический проект не может предсказать меняющиеся обстоятельства, а суть новой системы в том, что люди будут проектировать ее демократическим путем. При этом демократический преемник этатизма и капитализма должен решать определенные проблемы большой картины: трудовой арбитраж и бегство капитала, промышленное развитие неиндустриальных стран и глобальный экологический кризис. Мы можем предположить из этих глобальных социально-экономических проблем, по крайней мере, контуры того, какой должна быть следующая система, чтобы выжить.

Решения взаимосвязаны и требуют новых глобальных институтов для их администрирования. Этим институтам необходимо будет взять под контроль многонациональные корпорации посредством международного соглашения, подобного новому Бреттон-Вудсу, — вероятно, со строгим контролем капитала и перераспределительными налогами на международном финансовом рынке. Эта глобальная сеть также должна будет кодифицировать всеобщие трудовые права (через глобальную минимальную заработную плату, всеобщие профсоюзные права и согласованные на глобальном уровне механизмы передачи контроля над производством рабочим и сообществам) и администрировать их через международную трудовую организацию. Наконец, потребуются много совместного экономического планирования для развития неиндустриальных стран при переходе к экологически устойчивой экономике — «зеленые новые курсы» в богатых странах и «зеленые планы Маршалла» для развивающихся.

Очевидно, что эти цели лучше всего достигаются международными или даже глобальными органами принятия решений. С нашей точки зрения, эти структуры принятия решений должны состоять из глобального представительного органа с довольно ограниченной властью, подотчетного региональным органам, которые, в свою очередь, подчиняются более мощным местным органам, работающим через партиципативную демократию. Только демократический конфедерализм на местном и региональном уровне может заставить институты, которые возникают для решения глобальных проблем, быть подотчетными людям мира, а не далеким элитам.

Эти политические организации будут поддерживаться кооперативными экономическими предприятиями, демократически управляемыми их работниками и общественностью. Само сообщество будет определять производство и распределение (по крайней мере) основных товаров — еды, жилья и здравоохранения, управляемых как

основные общественные блага. Все кооперативы будут подотчетны общественным советам, чтобы гарантировать, что они удовлетворяют социальные и экологические потребности.

Если мы сможем достичь этих целей, лучшее будущее будет в наших руках.

Рабочие часы резко сократятся, а свободное время резко возрастет. Менее ресурсоемкие формы отдыха, такие как искусство и пешие прогулки, будут поддерживать наше тело, разум и биосферу более здоровыми. Почти все будут существовать на растительной пище, выращенной в городских гидропонных системах или на фермах пермакультуры, симбиотически расположенных в местных экосистемах. Энергия будет поступать в основном от ветра и солнца, включенных в искусственную среду, а не вытесняющих дикую природу. Отходы будут повторно использоваться, компостироваться или разлагаться на новые материалы, что исключит необходимость в свалках и добыче полезных ископаемых.

Когда мы установим демократическое управление снизу вверх, устраним частную прибыль и начнем восстанавливать разрушенные экосистемы Земли, означает ли это, что мы достигли «Следующей системы»? Ну, может быть, но это не значит, что политика закончилась. Центральный этос видения, сформулированного здесь, — общественный контроль, локальные эксперименты и радикальная демократия — означает, что мы не можем точно предсказать, как будет выглядеть будущее; да мы и не хотим этого делать. Даже авторы этого эссе не согласны по всем деталям — должно ли какое-то подобие денег, рынка и частной собственности оставаться для несущественных товаров? Или вся экономическая деятельность должна быть полностью общественной? В какой степени Интернет может или должен снизить необходимость личного обсуждения при принятии демократических решений? Но эти детали должны обсуждать и пробовать люди в сообществах сейчас и в будущем; попытка самим заняться таким политическим рассуждением была бы саморазрушительной. Единственное, в чем можно быть уверенным, — это то, что изменения должны основываться на принципах равноправия — убеждениях, которые можно назвать либертарными или анархистскими, социалистическими или коммунистическими, экологическими или постгуманистическими, — но приверженность этим принципам все равно допускает прагматизм и разнообразие.

Нет идеальных миров, есть только лучшие. Даже наше видение следующей системы, если мы сможем его достичь, не будет однородным или статичным. Путь и система, описанные здесь, — это не просто конечная цель, а каркас, способ гарантировать, что грядущие системы смогут представлять и отвечать потребностям и желаниям людей, которые их населяют. Таким образом, реальное построение этого мира зависит от всех нас. В этом мы следовали за сапатистами, чье дерзкое восстание в тот самый момент, когда, как говорили, история закончилась, вызвало революционную волну — всемирное движение за экологическое сознание, радикальную демократию и либертарный социализм, — на которой мы все еще едем. Они вышли из мексиканских джунглей, чтобы потребовать мира за пределами неолиберализма, мира истинной демократии и справедливости, мира, в котором все миры подходят друг другу. Их совет международным волонтерам, которые хотели помочь, был прост и звучит еще громче сегодня: создавайте сапатизм в своих собственных сообществах. Двадцать три года спустя еще не поздно начать.

Апрель 2017 г.

Об авторах: Исследовательский коллектив симбиоза

Джон Майкл Колон — писатель из Бруклина, Нью-Йорк. Его интересы включают авангардное искусство и литературу, интеллектуальную историю, неортодоксальную экономику, социологию и издательское дело. Он делал репортажи для USA Today и Asbury Park Press, а также создавал новостные и культурные программы для WPRB 103.3 FM. Недавно он получил степень по сравнительному литературоведению и начал карьеру поэта, романиста и внештатного эссеиста для небольших журналов.

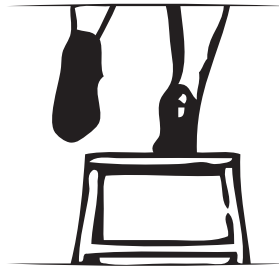
Мейсон Херсон-Хорд — организатор Motor City Freedom Riders, набирающий силу вместе с водителями автобусов, чтобы бороться за улучшение общественного транспорта в метро Детройта. Его основные политические и академические интересы — деколонизация, радикальный феминизм и биорегионализм. Он выпускник факультета ближневосточных исследований Принстонского университета.

Кэти Хорват — общественный организатор, которая недавно оставила институциональную организацию, чтобы работать над построением двоевластия и созданием следующей системы в Детройте. Она имеет степень бакалавра в области социокультурной антропологии Принстонского университета.

Дейтон Мартиндейл — помощник редактора в In These Times . Его статьи и активизм связаны с различными движениями за социальные перемены, в частности, с кампаниями за климатическую справедливость и освобождение животных. Его работы публиковались в In These Times , Earth Island Journal , Truthout и The Nassau Weekly . Он имеет степень бакалавра астрофизических наук Принстонского университета.

Мэтью Поргес — писатель и исследователь из Брюсселя, Бельгия. Он специализируется на пересечении геополитики и окружающей среды, уделяя особое внимание Северной Африке. Его работа приводила его в Марокко, Алжир, Западную Сахару, Мавританию и Индию.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Коллектив "Симбиоз"
Сообщество, Демократия и Взаимопомощь
К двоевластию и далее
Апрель 2017 года

Получено 25.03.2020 с сайта thenextsystem.org
Это работа группы Symbiosis Research Collective. Для получения дополнительной информации перейдите на сайт symbiosis-revolution.org.

ru.anarchistlibraries.net